

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-253-288>

<https://elibrary.ru/SBLSAD>

«ПИСЬМО К БОССАРУ» (1921) И.А. БУНИНА: АВТОГРАФ И ПРОИЗВОДНЫЕ ТЕКСТЫ

© 2024 г. А.В. Бакунцев, С.Н. Морозов, А.В. Протопопова

Аннотация: В статье рассматривается одно из малоизвестных публицистических произведений И.А. Бунина. Оставшееся не обнародованным при жизни автора, оно тем не менее легло в основу ряда других, схожих по тематике и/или назначению бунинских произведений. В статье рассматривается — с точки зрения текстологии и источниковедения — «генетическая» связь «Письма к Боссару» (1921) с этими, производными от него (в той или иной степени) текстами, созданными в 1921–1952 гг. на русском и французском языках — как самим Буниным, так и третьими лицами (в частности, переводчиками). В статье подчеркивается, что в случае с «Письмом к Боссару» исследователи имеют дело с обычной для творческой манеры писателя ситуацией, когда не одно и то же произведение имеет несколько текстов (что вполне стандартно для текстологии), а, наоборот, один и тот же текст используется как литературный материал («сырье») при создании разных, в том числе относительно независимых друг от друга и даже от породившего их текста произведений. В статье использованы архивные материалы из Русского архива в Лидсе (РАЛ, Великобритания), Отдела рукописей Эдинбургского университета (ОРЭУ, Великобритания) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Ключевые слова: И.А. Бунин, «Письмо к Боссару», автограф, производные тексты, основной текст, текстология, источниковедение.

Информация об авторах: Антон Владимирович Бакунцев — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7087-3235>

E-mail: auctor@list.ru

Сергей Николаевич Морозов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Анна Викторовна Протопопова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4461-3349>

E-mail: avprotopopova@yandex.ru

Для цитирования: Бакунцев А.В., Морозов С.Н., Протопопова А.В. «Письмо к Боссару» (1921) И.А. Бунина: автограф и производные тексты // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 253–288.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-253-288>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

“THE LETTER TO BOSSARD” (1921) BY IVAN BUNIN: AUTOGRAPH AND DERIVED TEXTS

© 2024. Anton V. Bakuntsev, Sergei N. Morozov, Anna V. Protopopova

Abstract: The article is devoted to one of the little-known journalistic works of Ivan Bunin, which, having remained unpublished during the author’s lifetime, nevertheless formed the basis of a number of his other similar works. The article examines — from the point of view of textual and source studies — the “genetic” connection of the “Letter to Bossard” (1921) with these texts derived from it (to one degree or another), created in 1921–1952 in Russian and French — both by Bunin himself and by third parties (in particular, translators). The article emphasizes that in the case of the “Letter to Bossard”, researchers are dealing

with a situation common to the creative manner of a writer, when not the same work has several texts (which is quite standard for textual studies), but, on the contrary, the same text is used as some kind of a literary material for creating different works, including relatively independent from each other and even from the 'source' text. The article uses archival materials from the Russian Archive in Leeds, the Department of Manuscripts of the University of Edinburgh and the State Archive of Russian Federation.

Keywords: Ivan Bunin, "The Letter to Bossard", autograph, derived texts, main text, textual studies, source studies.

Information about the authors: Anton V. Bakuntsev, PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bldg. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7087-3235>

E-mail: auctor@list.ru

Sergei N. Morozov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bldg. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4986-3291>

E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Anna V. Protopopova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bldg. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4461-3349>

E-mail: avprotopopova@yandex.ru

For citation: Bakuntsev, A.V., Morozov S.N., and A.V. Protopopova. "The Letter to Bossard' (1921) by Ivan Bunin: Autograph and Derived Texts." *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrubka, manag. ed. M.S. Shchavilinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 253–288. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-253-288>

Введение

«Письмо к Боссару» объективно относится к числу наименее изученных публицистических произведений И.А. Бунина. Вероятно, это обусловлено — по крайней мере, отчасти — тем, что «Письмо к Боссару» мало известно в России. Его полный русский текст, публиковавшийся трижды [19, с. 161–164; 16; 21, с. 30–33]¹, почему то не вошел ни в одно из посмертных изданий бунинского литературного наследия, а исследовательская литература об этом произведении исчерпывается всего тремя работами, которые носят литературоведческий и историко-литературный характер. В них анализируются содержание, лексико-стилистические и композиционные особенности «Письма к Боссару», рассказывается об истории его опубликования на французском и русском языках, а также о его роли в формировании литературной репутации Бунина во Франции в начале 1920 гг. [12, с. 502–507; 14, с. 319–320, 326–327; 22, с. 502–512].

В данной статье «Письмо к Боссару» впервые рассматривается с позиции текстологии и источниковедения. Представленные здесь наблюдения, соображения и выводы возникли в процессе работы с текстом «Письма», в рамках большого научного проекта, посвященного подготовке книги «И.А. Бунин. О литературе и революции. Статьи, заметки, рецензии, речи, ответы на вопросы анкет. 1911–1953 гг.» (подробнее см.: [9; 10]). Реализацией этого проекта с 2019 г. занимается наша научная группа, в состав которой до своей скоростной кончины входил также О.А. Коростелев.

«Письмо к Боссару» и его другой вариант (1921)

«Письмо к Боссару»² было написано в 1921 г. как предисловие к французскому изданию сборника рассказов «Господин из Сан-

¹ М. Грин, впервые опубликовавшая «Письмо к Боссару» — по автографу, хранящемуся в Бунинской коллекции РАЛ (MS 1066/409; подробнее о нем см. далее), в примечании к своей публикации утверждает, что приводит «текст точно и полностью, изменив только орфографию со старой на новую» [19, с. 161]. В действительности в публикации имеются некоторые неточности, обусловленные неверным прочтением ряда слов в подлиннике. Соответственно и в перепечатках этой публикации (в сборнике «И.А. Бунин: Pro et contra» и в журнале «Бежин луг») наблюдаются те же неточности (см. об этом далее).

² Биографические сведения о парижском издателе Э. Боссаре крайне скудны. Из разных источников известно, что его издательство «Les Éditions Bossard» осуществляло свою деятельность в 1916–1934 гг. и что в 1918–1929 гг. оно выпускало в пере-

Франциско» — “Le Monsieur de San-Francisco” (Paris, 1921)³, где оно и было впервые опубликовано под заглавием “Lettre de l’auteur à l’éditeur” (Письмо автора к издателю) [27, pp. 7–12] (в соответствии с принятой нами системой условных сокращений мы обозначили этот источник текста аббревиатурой *MSF* — по начальным буквам заглавия сборника). Но, как справедливо отмечает П. Деотто в своей статье о трех автобиографиях Бунина, исходный текст этого произведения был написан по-русски [12, с. 503]⁴.

Сохранились два русскоязычных текста «Письма к Боссару» — автограф, находящийся в Бунинской коллекции РАЛ (MS 1066/409), — в дальнейшем будем называть его автографом *РАЛ-1* — и машинопись с авторской или редакторской правкой, обнаруженная нами в личном фонде В.Л. Бурцева в ГАРФ (Ф. Р-5802. Оп. 1. Д. 151. Л. 4–8) — в данной статье она будет упоминаться как машинопись *ГАРФ*⁵.

Автограф *РАЛ-1* написан черными чернилами на семи листах тетрадного формата, имеет авторское заглавие «Письмо к Боссару», указание на место и дату написания: «Париж, 21 июля 1921 г.», — и ряд авторских поправок.

Машинопись *ГАРФ* напечатана на пяти листах, без заглавия, с авторской датой: «Париж, 1921 г.». Правка, весьма незначительная, выполнена черными чернилами. Вверху первого листа простым карандашом написаны три слова (их автор неизвестен): “NB”,

воде на французский язык книги русских писателей-классиков и эмигрантов, в том числе Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, К.Д. Бальмонта, И.А. Бунина, З.Н. Гиппиус, Г.Д. Гребенщикова, Д.С. Мережковского, А.И. Куприна, П.Н. Милюкова, И.С. Шмелева и др. [12, с. 503; 20, с. 349; 21, с. 773; 22, с. 501; 25, с. 68, 223, 267; 29; 30]. В издательстве Боссара вышли три книги Бунина: “Le Monsieur de San-Francisco” («Господин из Сан-Франциско», 1921; 1922), “Le Village” («Деревня», 1922), “La Calice de la vie” («Чаша жизни», 1923).

³ Книга увидела свет в августе 1921 г. По-видимому, она пользовалась спросом у французских читателей, вследствие чего издательство несколько раз допечатывало тираж. Во всяком случае, в РГБ хранится экземпляр “Le Monsieur de San-Francisco”, датированный 1922 г. В библиотечном каталоге это издание значится как *девятое*.

⁴ Правда, текст «Письма к Боссару» П. Деотто почему-то анализирует не по первоисточнику и даже не по его первой публикации в «Новом журнале», а по перепечатке в сборнике «И.А. Бунин: pro et contra» (см.: [12, с. 503]).

⁵ В том, что эта машинопись оказалась среди бумаг В.Л. Бурцева, нет ничего удивительного: в 1920–1922 гг. Бунин довольно активно печатался в газетах Бурцева «Общее дело» и “La Cause Commune” [3]. В личном фонде Бурцева имеются и другие бунинские тексты: письмо от 17/30 сентября 1921 г., автограф заметки «“Музыка”», вырезка из газеты «Свободные мысли» со статьей «Суп из человеческих пальцев», которая была напечатана в переводе на французский язык в “La Cause Commune” [2; 3, с. 102; 5, с. 178–179; 6, с. 102].

«Бунин» (подчеркнуто двумя чертами, черными чернилами) и еще одно неразборчивое слово, которое сопровождается вопросительным знаком и которое можно прочесть как «напечат<ано>?». Листы пронумерованы простым карандашом.

При сопоставлении текстов *РАЛ-1* и *ГАРФ* было выявлено 44 разночтения лексико-стилистического, синтаксического и композиционного, характера, в том числе: синонимические замены (13 случаев), изменения в порядке слов (7 случаев), добавления слов (13 случаев) или знаков препинания (3 случая), изменения числа или падежа (4 случая), написание с заглавной или строчной буквы (1 случай), наличие или отсутствие деления на параграфы/предложения (3 случая). Наиболее заметные примеры разночтений приведены в нижеследующей таблице (в квадратных скобках восстановлены вычеркнутые Буниным слова и их части):

Таблица 1

РАЛ-1	ГАРФ
<i>Заглавие:</i> Письмо к Боссару	<i>Заглавие отсутствует</i>
Вы просите меня дать сведения о моей жизни и литературной деятельности.	Вы просите меня сообщить Вам сведения о моей жизни и литературной деятельности.
Я происхожу из старого дворянского рода, давшего России немало видных деятелей как на поприще [ратном и] государственном, так и в области искусств, где особенно известны [замечательная русская женщина начала] два поэта начала прошлого века: [поэтесса] Анна Бунина и [поэт] Василий Жуковский, один из корифеев русской литературы, сын Афанасия Бунина и пленной турчанки Сальмы.	Я происхожу из древнего дворянского рода, давшего России немало видных людей как на поприще государственности, так и в области искусств, где особенно известны два поэта начала прошлого века: Анна Бунина и Василий Жуковский, сын Афанасия Бунина и турчанки Сальмы, один из корифеев русской литературы.
Помещиками были и родители мои <...>.	Помещиками были и мои родители <...>.
Затем мои книги не раз были увенчаны высшей наградой Российской Академии Наук — [премиями] премией имени Пушкина.	Затем мои книги не раз были увенчаны высшей наградой Российской Академии Наук — премиями имени Пушкина.

<p><...> я не участвовал в политике и не касался в своих произведениях вопросов, связанных с нею; я не принадлежал ни к одной литературной школе, не называл себя ни декадентом, ни символистом, ни романтиком, ни натуралистом, не надевал вообще никаких масок и не выкидывал никаких крикливых знамен; а меж тем, за последние десятилетия, очень бурные в России, судьба русского писателя часто зависела от того, находится ли он в борьбе с существующим государственным строем, вышел ли он «из народа», был ли он в тюрьме, в ссылке, или же от его участия в том литературном шуме, в той «литературной революции», которая, в подражание западной Европе, прodelьвалась в эти годы в России с ее быстро развивавшейся городской жизнью, с ее только что народившейся бульварной печатью и с ее новыми критиками и читателями из среды молодой буржуазии и молодого пролетариата, разночинства, одинаково невежественных в понимании искусства и жадных до мнимой новизны, до всяческих сенсаций.</p>	<p><...> я не участвовал в политике и не касался в своих произведениях вопросов с нею связанных; я не принадлежал ни к одной литературной школе, не называл себя ни декадентом, ни символистом, ни романтиком, ни натуралистом, не надевал вообще никаких масок и мундиров, не выкидывал никаких широковещательных знамен... А меж тем, за последние десятилетия, судьба русских писателей часто зависела от того, находится ли он <так!> в борьбе с существующим государственным строем, был ли он в тюрьме, в ссылке, вышел ли он из «народа», или же от его участия в том литературном шуме, в той «литературной революции», которая, в подражание Европе, прodelьвалась в эти годы в России с ее быстро развивавшейся городской жизнью, с ее только что народившейся бульварной печатью и с ее новыми критиками и читателями из среды молодой буржуазии и молодой полунинтеллигенции, одинаково слабых в понимании искусства и жадных до мнимой новизны, до всяких сенсаций.</p>
<p>Это было началом целого ряда произведений, рисующих без всяких прикрас русские характеры <...>.</p>	<p>Это было начало целого ряда произведений, рисующих без прикрас русские характеры <...>.</p>
<p>В эти годы я чувствовал, как с каждым часом крепнет моя рука <...>.</p>	<p>В эти годы я чувствовал, как с каждым днем крепнет моя рука <...>.</p>
<p>Но тут разразилась война, а затем русская революция.</p>	<p>Но тут разразилась война, а затем русская «революция».</p>

<p>Бежало и огромное большинство самых видных русских писателей и прежде всего потому, что в России их ждала или бессмысленная смерть от руки первого встречного злодея, пьяного от разнузданности и безнаказанности, от грабежа, от вина, от крови, от кокаина, или позорное, рабское существование во тьме, во вшах, в лохмотьях, среди эпидемий, в холоде, в голоде, в пещерных муках желудка и унижительных заботах только о нем, под вечной угрозой быть выброшенным из своего нищенского угла на улицу, быть посланным на уборку солдатских нечистот в казарму, быть без всякой причины арестованным, избитым, оскорбленным, увидеть свою мать, сестру или жену изнасилованной — и в полном молчании, ибо за малейшее свободное слово в России могут вырезать язык.</p>	<p>Бежало и огромное большинство самых видных русских писателей — и прежде всего потому, что в России их ждала или бессмысленная смерть под рукой первого встречного злодея, пьяного от своеволия, от разнузданности и безнаказанности, от грабежа, от вина, от крови, от кокаина, или же позорное, рабское существование в холоде, во тьме, во вшах, в лохмотьях, в пещерных муках голодного желудка и унижительных заботах только о нем, под вечной угрозой быть выброшенным из своего нищенского угла на улицу, быть посланным на уборку нечистот в казарму или «Чека», быть без всякой причины арестованным, избитым, оскорбленным, увидеть свою мать, сестру или жену изнасилованной — и в полном молчании, ибо за малейшее слово протеста в России могут вырезать язык.</p>
<p>Я покинул Москву в мае 1918 года, жил на юге России, переходившем из рук в руки «белых» и «красных» <...>.</p>	<p>Я покинул Москву в мае 1918 г[ода], жил на юге России, переходившем из рук в руки то «белых», то «красных» <...>.</p>
<p><...> и моя ли вина, что действительность, та, которой живет Р<оссия> вот уже четыре года, сверх всякой меры оправдала мои опасения, что те мои картины, которые казались когда-то даже русским людям слишком черными и неправдоподобными, стали «пророческими», как некоторые называют их теперь! — <...> и я ли виноват, что и здесь мои предчувствия не обманули меня?</p>	<p><...> и я ли виноват, что действительность, та, которой живет Россия вот уже четвертый год, сверх всякой меры оправдала мои опасения, что те мои картины, которые когда-то казались даже русским людям слишком черными и даже «неправдоподобными», расцениваются теперь совсем иначе. — <...> и я ли виноват, что и здесь мои предчувствия не обманули меня.</p>
<p>Значит ли это, однако, что моя душа полна только тьмой и безнадежностью? Нет. «Как лань к истокам вод, все стремится сердце мое к Тебе, Господи!»</p>	<p>Значит ли это, однако, что моя душа полна только тьмой и безнадежностью? Нет! — «Как лань к истокам вод, стремится сердце мое к Тебе, Господи!»</p>

<p><i>Один абзац:</i> Примите, господин издатель, мою благодарность за то внимание, которое Вы оказали мне. Привет Вашей благородной Родине, давшей мне приют в моем изгнании, в эти страшные для нас дни, когда наша далекая, несчастная родина воистину поражена всеми казнями египетскими.</p>	<p><i>Два абзаца:</i> Примите, г. Издатель, мою благодарность за то внимание, <которое> Вы оказали мне. // Привет Вашей благородной Родине, давшей мне приют в моем изгнании, в эти страшные для нас дни, когда наша далекая несчастная родина воистину поражена всеми казнями египетскими.</p>
<p><i>Подпись отсутствует</i></p>	<p><i>Подпись:</i> Ив. БУНИН</p>
<p>Париж // 21 июля 1921 г.</p>	<p>Париж, 1921 г.</p>

Указанные разночтения в сочетании с палеографическими и иными особенностями каждого из текстов позволили определить автограф *РАЛ-1* как хронологически более ранний источник текста. Иными словами, именно автограф *РАЛ-1* является исходным текстом «Письма к Боссару». Об этом, в частности, говорят его рукописная форма, лексика, стилистика, синтаксис, а также объем и характер авторской правки. Соответственно машинопись *ГАРФ* квалифицируется нами как *другой вариант*, созданный на основе автографа *РАЛ-1* и предназначенный либо для опубликования в газете В.Л. Бурцева «Общее дело», либо для перевода на французский язык и последующего включения в сборник “Le Monsieur de San-Francisco”.

Обе версии относительно того, с какой целью была подготовлена и прислана Бурцеву машинопись *ГАРФ*, одинаково правдоподобны. С одной стороны, Бурцев в письме от 29 ноября 1921 г. просил Бунина «поделиться с “О<бщим> д<елом>” своими статьями» [24, с. 180], и в ответ на эту просьбу Бунин вполне мог отправить Бурцеву машинопись *ГАРФ*. С другой стороны, в редакции газеты Бурцева наряду с журналистами и техническим персоналом работали переводчики, и Бунин не раз пользовался их услугами⁶.

В пользу первой версии говорят, например, следующие факторы: характер сокращений («Г-н» вместо «Господин», «г.» вместо «год»); заключение некоторых слов в кавычки («народ», «революция»), что должно было привнести в высказывания автора оттенки иронии, понятный читательской аудитории «Общего дела» и едва ли уместный при обращении к французской публике; лексические

⁶ О публикациях Бунина во франкоязычной прессе 1920–40 гг. см.: [7].

замены («широковещательные знамена» вместо «крикливые знамена», «полуинтеллигенция» вместо «пролетариат», «быть посланным на уборку нечистот в казарму или “Чека”» вместо «быть посланным на уборку солдатских нечистот в казарму», «слово протеста» вместо «свободное слово» и др.). Кроме того, тексту «Письма к Боссару» (и в автографе *РАЛ-1*, и в машинописи *ГАРФ*) присуща ярко выраженная ритмика, совершенно необязательная для произведения, предназначенного *только* для перевода на иностранный язык. На наш взгляд, эта ритмика является еще одним косвенным доказательством того, что, работая над текстом «Письма», Бунин предполагал когда-нибудь напечатать его и в эмигрантской прессе.

В пользу второй версии говорит, пожалуй, только машинописная форма *ГАРФ* и измененный — по сравнению с автографом *РАЛ-1* — порядок некоторых слов (в частности, притяжательных местоимений «мой», «мой», «моя») в нескольких предложениях (Бунин мог это сделать, чтобы упростить их структуру), например: «Помещиками были и мои родители» вместо «Помещиками были и родители мои».

Однако ни ту, ни другую версию ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно: первую — в силу того, что текст машинописи *ГАРФ* в «Общем деле» (и ни в какой другой эмигрантской газете) напечатан не был, вторую — по нижеизложенным причинам.

“Lettre de l’auteur à l’éditeur” (1921)

При сопоставлении русских текстов «Письма к Боссару» с текстом *MSF* было установлено, что последний не может считаться эквивалентным ни автографу *РАЛ-1*, ни машинописи *ГАРФ*. Из выявленных нами 44 случаев разночтений между русскими текстами 15 не нашли отражения в переводе (т. е. оказались иррелевантными), в 18 случаях перевод следует тексту *РАЛ-1*, в 11 случаях — тексту *ГАРФ*, однако все эти соответствия носят не содержательный, а чисто формальный характер и касаются лексики, стилистики, композиции. Особо отметим случай использования в переводе слова «тесно», которое в автографе *РАЛ-1* было зачеркнуто: «Все предки мои всегда были [тесно] связаны с народом и с землей»; в тексте *MSF* эквивалент этого слова (“étroitement”) присутствует: “Tous mes ancêtres demeurèrent étroitement attachés au peuple et à la terre” [27, p. 7].

Вместе с тем в тексте *MSF* наблюдаются лексические и синтаксические расхождения с текстами *РАЛ-1* и *ГАРФ*, обусловленные различиями в русской и французской языковых системах и закономер-

ностями переводческой практики. Приведем наиболее заметные примеры таких расхождений: в тексте *MSF* обращение к издателю сокращено до слова “Monsieur” («Сударь»); простое предложение с бессоюзной связью между однородными членами: «Я происхожу из старого (*РАЛ-1*) / древнего (*ГАРФ*) дворянского рода», — в переводе заменено простым предложением с союзом “et” (и): “Je procède d’une antique et noble maison” («Я происхожу из древнего/старинного и благородного рода») [27, p. 7]; изъяснительное сложноподчиненное предложение с однородным подчинением:

<...> а меж тем, за последние десятилетия, очень бурные в России, судьба русского писателя часто зависела от того, находится ли он в борьбе с существующим государственным строем, вышел ли он «из народа», был ли он в тюрьме, в ссылке, или же от его участия в том литературном шуме, в той «литературной революции», которая, в подражание западной Европе, проделывалась в эти годы в России с ее быстро развивавшейся городской жизнью, с ее только что народившейся бульварной печатью и с ее новыми критиками и читателями из среды молодой буржуазии и молодого пролетариата, разночинства, одинаково невежественных в понимании искусства и жадных до мнимой новизны, до всяческих сенсаций (*РАЛ-1*), —

разбито на пять предложений, среди которых только одно является изъяснительным, остальные четыре — вопросительные:

Or, durant ces vingt ou trente dernières années, que traversa, en Russie, un souffle de tempêtes, le sort de l’écrivain dépendit souvent de son attitude. Était-il en lutte ouverte avec le régime? Sortait-il du “peuple”? Avait-il été emprisonné, déporté? Ou bien participait-il au tapage, à la “révolution littéraire” qui, à l’exemple de l’Europe occidentale, se produisait alors en Russie, de concert avec le rapide développement de la vie publique dans les villes, avec sa toute récente presse boulevardière, avec ses nouveaux critiques et ses nouveaux lecteurs, issus de la jeune bourgeoisie et du jeune prolétariat russes, également incompetents dans les questions d’art et avides de nouveautés imaginaires, de fortes sensations? [27, p. 9];

в конце вместо даты: «Париж, 21 июля 1921 г.» (*РАЛ-1*) / «Париж, 1921 г.» (*ГАРФ*), — указано: “Paris, juillet 1921” [27, p. 12] и т. д.

Вывод из сопоставления рассмотренных текстов следующий: утверждать, что перевод на французский язык был выполнен однозначно по автографу *РАЛ-1* или по машинописи *ГАРФ*, не представ-

ляется возможным, но в то же время очевидно, что текст *MSF* все-таки ближе автографу *РАЛ-1*, чем машинописи *ГАРФ*. Не исключено, что: 1) либо существовал еще какой-то вариант «Письма к Боссару», который и послужил основой для французского перевода, 2) либо Бунин (или кто-то другой — например, В.Н. Бунина, блестяще владевшая французским языком), имея перед глазами машинопись *ГАРФ*, отредактировал готовый перевод, осуществленный по автографу *РАЛ-1* или эквивалентной ему машинописи, которая до нас не дошла⁷. С уверенностью можно сказать только то, что текст *MSF* является, по сути, *другим произведением*, которое к тому же, скорее всего, было создано не Буниным — на это указывает очень высокий уровень французского перевода. Чувствуется, что его автор одинаково свободно владел французским и русским языками. Вероятнее всего, этим переводчиком был интеллектуал, сотрудник коммунистической газеты «Юманите» (*L'Humanité*) Морис Донзель (он же Морис Парижанин или просто Морис) — именно он перевел рассказы, вошедшие в сборник “Le Monsieur de San-Francisco”⁸.

Реакция французской критики

Два года спустя после выхода сборника “Le Monsieur de San-Francisco” сотрудник берлинской сменовеховской газеты «Накануне» И.М. Василевский (Не-Буква) утверждал, что бунинское предисловие к этому изданию «произвело в Париже очень тяжелое впечатление своим необычайно рекламным тоном и вызвало в свое

⁷ И.А. Костомарова во вступительной статье к републикации «Письма к Боссару» в журнале «Бежин луг» выдвигает собственную версию возникновения текста *MSF*. По мнению исследовательницы, «Письмо к Боссару» «было направлено Буниным издателю Боссару в связи с подготовкой к изданию в Париже книги “Господин из Сан-Франциско”. На основе этого письма к французскому изданию “Господина из Сан-Франциско” было дано авторское предисловие <...>» [16, с. 14]. Однако нам такая трактовка взаимосвязи текстов *РАЛ-1* и *MSF* представляется неточной: как было сказано выше, мы считаем, что «Письмо к Боссару» сразу писалось как предисловие к французскому изданию «Господина из Сан-Франциско».

⁸ По мнению В.В. Полонского и Т.В. Марченко, своим литературным успехом во Франции и вообще в Европе Бунин был во многом обязан именно Морису Парижанину, который перевел ряд бунинских книг («Господина из Сан-Франциско», «Деревню», «Чашу жизни», «Жизнь Арсеньева») «с образцовым, редким мастерством, по стилистической изощренности в значительной степени конгениальным оригиналу, что неоднократно отмечалось наиболее профессиональными критиками» [14, с. 320]. См. также: [22, с. 503, 511, 530].

время много насмешливых толков во французских литературных кругах» [26].

Думается, Василевский (Не-Буква) несколько преувеличил — в полемических целях — невыгодность впечатления от бунинского “Lettre de l’auteur à l’éditeur” в литературных кругах Парижа, но он прав в том, что это произведение, изначально адресованное французской публике, действительно имело целью донести до нее, что «Бунин воистину русский автор, российский талант, гордый наследник литературной традиции» [12, с. 503].

Цель была достигнута, предисловие к сборнику “Le Monsieur de San-Francisco” французская публика заметила, а для французской критики оно стало еще и главным источником биографических сведений о писателе. Т.В. Марченко по этому поводу пишет:

Поскольку имя Бунина не было на слуху, — газеты прежде всего тиражировали одни и те же общие сведения о писателе, почерпнутые из его собственного предисловия к первой книге во французском переводе. Бунин выстроил свою творческую биографию в «Письме к французскому издателю»⁹, и критикам оставалось лишь подхватывать бунинские суждения о себе и спорить с теми дореволюционными оценками творчества писателя, которые он счел нужным сообщить.

Образ русского писателя-эмигранта, изготовленный по его собственному лекалу, буквально вбивался в головы читателей: «происходит из старого дворянского рода, член Российской Академии наук, не принадлежит ни к одной литературной школе, много путешествовал, писал в стихах и прозе. Будучи изгнанным революцией, выпустил эту книгу, где описывает несчастья своей родины и впечатления от путешествий». Подобная информация открывала почти все публикации о писателе во французской прессе 1921–1923 гг. [22, с. 503].

Однако далеко не все французские критики восприняли «Письмо к Боссару» / «Письмо автора к издателю» сочувственно и даже просто нейтрально. Например, у сотрудника журнала «Кларте» (*La Clarté*) Жана Бернье оно вызвало подобие гнева:

Судя по предисловию, написанному автором для французского издания «Господина из Сан-Франциско», трудно предположить, что этот русский писатель участвовал в последней войне.

⁹ Имеется в виду “Lettre de l’auteur à l’éditeur”.

Бунину страшно мешает это отсутствие опыта, когда он с содроганием, столь похожим на страх, описывает хаос и бесчисленные страдания, которые ему довелось увидеть и претерпеть в первые годы после революции. Если бы он пошел простым солдатом на войну за «правое дело» и побывал на необъятных полях сражений, то, очевидно, смотрел бы с меньшим ужасом и отвращением на опасности и бедствия, неотделимые от социальных переворотов. Кроме того, вероятно, тогда бы он понял, что «первый встречный злодей» (как он выражается) может одним махом сбить с ног любого интеллигента, нисколько не нарушив строжайшего правосудия.

Но это не его случай. Выходец из древнего дворянского рода, Бунин покинул Россию, чтобы избежать опасностей и горестей, выпавших на долю народа. Укрывшись на капиталистическом Западе, где не умирают с голоду и людей убивают лишь по закону, он сражается пером с большевизмом, пожелавшим разрушить его прекрасную литературную карьеру, как нам кажется, мало приспособленную к испытанию [22, с. 544–545].

Тем не менее, несмотря на неприятие общественно-политической позиции, выраженной в предисловии к сборнику, критик признавал, что «Бунин — настоящий писатель» [22, с. 545].

Морис Донзель также осудил (хотя и по другой причине) бунинское предисловие. Как указывает Т.В. Марченко, оно

раздосадовало Мориса тем, что присяжные критики, не утруждавшие себя трудом упорным, пролистывали бунинский томик, едва заглядывали в титульный рассказ, выписывали несколько строк из автопризнаний писателя: *et voilà!* — рецензия была готова. «Французская критика делает свои более чем поспешные и более чем топорные суждения именно на основании этого предисловия, настолько мало она озабочена тем, чтобы медленно продегустировать “суть сути” писателя, — сокрушается Морис Парижанин, сам написавший несколько изысканно тонких эссе о Бунине. — Даже в похвалах критика впадает в ошибку: она адресует их политику и пренебрегает самым главным в его мысли и в его искусстве, которое ее смущает; она убивает красоту этого великого ума, этого великого — среди людей — человека. Если бы он не писал этого предисловия, он бы избежал унижения разделить место в газетных столбах — он, Иван Бунин! — с каким-нибудь Клодом Ане!» [22, с. 503–504].

«Автобиография И.А. Бунина» (1923)

В последующие годы Бунин создал на основе «Письма к Боссару» и его французского перевода еще несколько текстов. В писательской практике Бунина это был далеко не первый случай, когда некое произведение — неважно, опубликованное или оставшееся в рукописи, — становилось, по сути, литературным материалом, «сырьем» для других произведений. Так было, например, с лекцией «Великий дурман» (1919): ее полный текст Бунин готовил к печати, однако это издание не состоялось [4, с. 18]; тем не менее отрывки из лекции писатель с 1919 г. под разными заглавиями публиковал в периодике в виде отдельных «фельетонов» и одновременно использовал в составе более крупных литературных форм — в частности, в «Окайных днях» (1925, 1927, 1935). Примерно то же самое произошло и с «Письмом к Боссару».

Вплоть до весны 1923 г. Бунин к тексту этого произведения не возвращался. Вспомнить о нем Бунина, скорее всего, побудило письмо М.А. Алданова от 25 марта 1923 г. Алданов, незадолго до этого вступивший в должность редактора литературного приложения к берлинской газете «Дни», просил Бунина давать «сведения о себе для отдела “В кругу писателей и ученых”» и добавлял: «Я уже поместил заметку о приглашении Вас в “Европу”, а в воскресенье помещу перевод письма Брандеса¹⁰, за присылку к<оторо>го искренне благодарю»¹¹.

Все эти меры имели целью привлечь внимание мировой общественности и Шведской академии к Бунину как к потенциальному кандидату на Нобелевскую премию 1923 г.

Вместо «сведений о себе для отдела “В кругу писателей и ученых”» Бунин прислал Алданову «Автобиографию», в основу которой был положен, судя по ее тексту, автограф *РАЛ-1*. Под заглавием «Автобиография И.А. Бунина» это произведение было напечатано в «Днях» 8 апреля 1923 г. [15]. Далее мы будем называть данный текст *Автобиографией*.

Любопытно, что ни Бунин, ни редакция «Дней», по-видимому, не только не пытались утаить от эмигрантской публики «генетическую» связь *Автобиографии* с текстом *MSF*, но, напротив, словно намеренно выпячивали ее. Об этом, в частности, свидетельствует

¹⁰ Фрагмент письма Г. Брандеса к Бунину в русском переводе был опубликован в газете «Дни» 1 апреля 1923 г. под общим заголовком «Русская культура на Западе».

¹¹ ОРЭУ. Gen 565.

редакционное предисловие, подписанное инициалами М. А. (Марк Алданов):

И.А. Бунин поместил, в качестве предисловия к французскому изданию «Господина из Сан-Франциско», несколько автобиографических страниц. С любезного разрешения автора, мы печатаем еще нигде не появлявшийся русский текст автобиографии, принадлежащий самому И.А. Бунину и несколько им измененный по сравнению с французским переводом. Разумеется, мы помещаем эту записку как литературный документ, относящийся к знаменитому писателю, ни в какой мере не принимая на себя ответственности за мысли И.А. Бунина [23]¹².

Работая над *Автобиографией*, Бунин удалил из первоначально-го текста (которым, скорее всего, был либо автограф *РАЛ-1*, либо его не сохранившийся вариант) обращение к издателю, первый (вводный) абзац и три последних, уточнение, предназначенное для французских читателей, о соответствии «двенадцати почетных членов» Российской Академии наук французским «бессмертным» и о Льве Толстом; заменил несколько слов: например, слово «странствия» (*РАЛ-1*, *ГАРФ*) — словом «странствования» и др. При этом уже в газетной публикации были допущены опечатки: «Стих и прозу я начал писать довольно рано» (должно быть: «Стихи и прозу...»), «увенчаны высшей наградой Российской Академией Наук» (должно быть: «...Российской Академии Наук...»), «...принесли мне то, что называется успехом, который еще более укрепил мои последующие работы» (должно быть: «...укрепили...») [15]¹³.

Бунинская правка, очевидно, была обусловлена изменением целевой аудитории и жанровой принадлежности текста. «Письмо к Боссару» в его исходном виде (*РАЛ-1*) и в переводе (*MSF*) — произведение жанрово неоднородное: по форме оно представляет собой «открытое письмо», по содержанию — автобиографическую заметку, по назначению — предисловие. *Автобиография* в этом отношении гораздо «проще», «одномернее»: по форме, содержанию и назначению это только автобиографическая заметка, и ничто иное. К тому же адресована она уже не французской, а эмигрантской публике.

¹² Два дня спустя, 10 апреля 1923 г., Алданов писал Бунину: «Большое спасибо за присылку “Автобиографии”, она напечатана в последнем номере “Дней”, 10 экземпляров <отор>го завтра Вам вышло» (ОРЭУ. Gen 565).

¹³ Опечатка «укрепил» вместо «укрепили» встречается также в публикации М. Грин и в ее обеих републикациях [19, с. 163; 16, с. 16; 21, с. 32].

Реакция прессы русского зарубежья на *Автобиографию* была в целом нейтральной. Только И.М. Василевский (Не-Буква), скрывшись за псевдонимом Iwas, зло высмеял Бунина в своем памфлете «Мания величия», опубликованном в газете «Накануне» 20 апреля 1923 г. В этом памфлете, который мы уже цитировали выше, среди прочего, говорилось:

В настоящее время И.А. Бунин, ввиду приближения сроков решения по вопросу о судьбе Нобелевской премии, широко распространяет свою автобиографию. Среди прочих срочных дел он почел своевременным опубликовать ее и на русском языке и представил редакции «Дней» «любезное разрешение» воспроизвести этот «еще нигде не появлявшийся русский текст». Автобиография для русского издания, как и оговаривается редакцией «Дней», И.А. Буниным «несколько изменена». Подлинного французского текста русское печатное слово не выносит. Впрочем, и того, что осталось в русском тексте, более чем достаточно. <...> Исключительно славный и знаменитый род Буниных на наших глазах на примере Ивана Алексеевича подымается на высоту невиданную <...>. Так или иначе, но скрывать свои достоинства И.А. Бунин ни в каком случае не согласен. Этот величайший русский писатель — уже и в детстве был определенно гениален <...>.

Иным тоном говорить о себе автор, очевидно, не умеет. Этот повышенный, бравурный тон самовосхваления делается все сильнее и сильнее. <...> Вопросы философские, вопросы религиозные, вот какой он мудрый, этот величайший писатель. Удивляться ли в таком случае его заявлениям о том, что талант его растет, как тесто на дрожжах <...>.

Началась война. Но это, оказывается, давным-давно предвидел И.А. Бунин. Началась революция. Но и это И.А. Бунин предвидел. <...> «Не касался вопросов, связанных с политикой». А «Осважная» деятельность И.А. Бунина в Одессе? А денкинское «Южное слово», выходившее под его редакцией? А густая серия политических статей в «Общем деле» В.Л. Бурцева? Неужели все это забыл талантливый, именно в области политики хромающий на обе ноги, писатель?

Увы. Политики-то именно, и очень плохой, злобной политики, и было много. Еще в Одессе, в период черносотенного «Южного слова» бунинского началась у писателя та роковая полоса художественного бесплодия, какая получилась в результате его увлечения злобной, денкинской публицистикой. Еще в те времена в Одессе, в период этого осважного «Южного слова», проявилась у И.А. Бунина та своеобразная «мания величия», какую он демонстрирует и ныне в недостойной его пера пышно составленной рекламной автобиографии. <...>

...Неизвестно, как в дальнейшем сложатся обстоятельства с присуждением Нобелевской премии. <...> Но И.А. Бунину умиленный и торжественный тон его густо рекламной и самохвальной автобиографии пользы не принесет [26].

«Автобиографические заметки» (1934)

В декабре 1935 г. берлинское издательство «Петрополис» выпустило в свет первый том бунинского Собрания сочинения¹⁴. В этот том, помимо своих относительно ранних произведений, Бунин включил «Автобиографические заметки», составленные из трех мемуарно-автобиографических очерков, написанных и опубликованных им в 1915–1927 гг. Каждая из частей «Автобиографических заметок» была писателем пронумерована и озаглавлена: I. Из предисловия к французскому изданию «Господина из С. Франциско»; II. Из письма к С.А. Венгеру; III. Из записей.

Как можно понять из названия первой части, Бунин использовал в ней текст предисловия к сборнику “Le Monsieur de San-Francisco” — именно такой (вполне, впрочем, закономерный) вывод в свое время сделала, например, И.А. Костомарова [16, с. 14], однако мы убеждены в том, что основой для первой части «Автобиографических заметок» [18, с. 9–12] (обозначим этот текст аббревиатурой *СС-1*) послужил один из русскоязычных аналогов текста *MSF*. В отличие от П. Деотто, считающей, что это был автограф *РАЛ-1* [12, с. 507], мы, сопоставив с текстом *СС-1* автограф *РАЛ-1*, машинопись *ГАРФ* и *Автобиографию*, пришли к заключению, что при написании текста *СС-1* Бунин опирался на *Автобиографию*: так, фрагменты, исключенные Буниным из «Письма к Боссару» при подготовке *Автобиографии*, отсутствуют и в тексте *СС-1*; кроме того, известно, что если произведение уже было опубликовано, то Бунин, редактируя его, обычно вносил правку уже в печатный текст, а таковым в данном конкретном случае была именно *Автобиография*.

Создавая текст *СС-1*, Бунин снова заменял слова, перестраивал предложения, вычеркивал целые строки и абзацы. В результате этой (местами весьма радикальной) правки текст *Автобиографии* сократился примерно на треть¹⁵. Вместе с тем писатель дополнил его авторским постскриптумом:

¹⁴ Хронологически он был последним, и на его титульном листе стоял 1936 г. (тома 2–11 вышли в 1934–1935 гг.). Подробнее об этом издании см.: [13].

¹⁵ В сравнении с автографом *РАЛ-1*, машинописью *ГАРФ* и текстом *MSF* текст *СС-1* по объему меньше каждого из них вдвое.

Во Франции я жил первое время в Париже, с лета 1923 года переселился в Приморские Альпы, возвращаясь в Париж только на некоторые зимние месяцы.

В эмиграции мною написано шесть новых книг.

Париж, 1934 г. [18, с. 12].

Основные разночтения между текстами СС-1 и Автобиографии приведены в нижеследующей таблице:

Таблица 2

Автобиография	СС-1
Помещиками были и родители мои, владевшие имениями в средней России <...>.	Помещиками были и деды и отцы мои, владевшие имениями в средней России <...>.
Родился я в 1870 году, в городе Воронеже, детство и юность почти целиком провел в деревне, в поместьях отца. В отрочестве под влиянием смерти моей маленькой сестры, я испытал сильную религиозную страсть, не оставившую, однако, никаких болезненных следов в моей душе, и страсть к живописи, которая, как мне думается, сказалась в моих литературных произведениях. Стих<и> и прозу я начал писать довольно рано. Рано появился и в печати.	Я родился 10 октября 1870 года, в городе Воронеже. Детство и юность почти целиком провел в деревне. Писать начал рано. Рано появился и в печати.
Издавая свои книги, я почти всегда составлял их из прозы и стихов, как оригинальных, так и переводных (с английского). Если разделить все это по родам искусства, то получится тома четыре оригинальных стихов, тома два переводных и томов шесть прозы.	<i>Эквивалентный абзац отсутствует.</i>
Затем мои книги не раз были увенчаны высшей наградой Российской Академией Наук <...>.	Затем мои книги не раз были отмечены высшей наградой Российской Академии Наук <...>.

Однако известности широкой я не имел долго — по многим причинам: я долго, после появления в печати моих первых рассказов, не писал и не печатал почти ничего, кроме стихов; я не участвовал в политике и не касался в своих произведениях вопросов, связанных с нею; я не принадлежал ни к одной литературной школе, не называл себя ни декадентом, ни символистом, ни романтиком, ни натуралистом, не надевал вообще никаких масок и не выкидывал никаких крикливых знамен; а меж тем, за последние десятилетия, очень бурные в России, судьба русского писателя часто зависела от того, находится ли он в борьбе с существующим государственным строем, вышел ли он из «народа», был ли он в тюрьме, в ссылке, или же от его участия в том литературном шуме, в той «литературной революции», которая, в подражание западной Европе, проделывалась в эти годы в России с ее быстро развивавшейся городской жизнью, с ее новыми критиками и читателями из среды молодой буржуазии и молодого пролетариата, одинаково невежественных в понимании искусства и жадных до мнимой новизны, до всяческих сенсаций. Кроме того, я мало вращался в литературной среде. Я много жил в деревне, много путешествовал и по России, и за границей: в Италии, в Сицилии, в Турции, на Балканах, в Греции, в Сирии, в Палестине, в Египте, в Алжирии, в Тунизии, в тропиках. Я стремился «обозреть лицо мира и оставить в нем чекан души своей», как сказал Саади, меня занимали вопросы философские, религиозные, нравственные, исторические.

Однако известности более или менее широкой я не имел долго: я несколько лет, после появления в печати моих первых рассказов, не писал и не печатал почти ничего, кроме стихов; я не касался в своих произведениях политической и общественной злободневности; я не принадлежал ни к одной литературной школе, не называл себя ни декадентом, ни символистом, ни романтиком, ни реалистом; а меж тем судьба русского писателя за последние десятилетия часто зависела от того, находится ли он в борьбе с существующим государственным строем, вышел ли он из «народа», был ли он в тюрьме, в ссылке, или же от его участия в той «литературной революции», которая, — в большой мере из-за подражания западной Европе, — столь шумно проделывалась в эти годы среди быстро развивавшейся в России городской жизни, ее новых критиков и новых читателей из молодой буржуазии и молодого пролетариата. Кроме того, я мало вращался в литературной среде. Я много жил в деревне, много путешествовал по России и за границей: в Италии, в Турции, на Балканах, в Греции, в Палестине, в Египте, в Алжирии, в Тунизии, в тропиках. Я, как сказал Саади, «стремился обозреть лицо мира и оставить в нем чекан души своей», меня занимали вопросы психологические, религиозные, исторические.

<p>Двенадцать лет тому назад я опубликовал свой роман «Деревня». Это было началом целого ряда произведений, рисующих без всяких прикрас русский характер, русскую душу, ее своеобразные сплетения, ее светлые и темные, но почти всегда трагические основы. В русской критике и в среде русской интеллигенции, где, в силу многих своеобразных условий, а за последнее время и просто в силу незнания народа или политических соображений, народ почти всегда идеализировался, эти «беспощадные» произведения вызвали страстные споры и в конечном итоге принесли мне то, что называется успехом, который еще более укрепил <и> мои последующие работы...</p>	<p>Двенадцать лет тому назад я напечатал «Деревню». Это было начало целого ряда произведений, резко рисовавших русскую душу, ее своеобразные сплетения, ее светлые и темные, но почти всегда трагические основы. В русской критике и в среде русской интеллигенции, где, в силу многих своеобразных условий, а за последнее время и просто в силу незнания народа или политических соображений, народ почти всегда идеализировался, эти «беспощадные» произведения вызвали очень страстные отклики и в конечном итоге принесли мне то, что называется успехом, который еще более укрепили мои последующие работы.</p>
<p>В эти годы я чувствовал, как с каждым часом крепнет моя рука, как страстно и уверенно требуют исхода накопившиеся во мне силы. Но тут разразилась война, а затем русская революция. Я был не из тех, кто был ими застигнут врасплох, для кого их размеры и зверство были полной неожиданностью, но все же действительность превзошла все ожидания.</p>	<p>В эти годы я чувствовал, как с каждым днем все более крепнет моя рука, как горячо и уверенно требуют исхода накопившиеся во мне силы. Но тут разразилась война, а затем русская революция. Я был не из тех, кто был ими застигнут врасплох, для кого их размеры и зверство были полной неожиданностью, но все же действительность превзошла все мои ожидания.</p>
<p>Во что вскоре превратилась русская революция, не поймет никто, ее не видевший. Зрелище это было совершенно нестерпимо для всякого, кто не утратил образа и подобия Божия, и из России бежали все, имевшие возможность бежать. Бежало и огромное большинство самых видных русских писателей и прежде всего потому, что в России их ждала или бессмысленная смерть от руки первого встречного злодея, пьяного от разнузданности и безнаказанности, от грабежа, от вина, от крови, от кокаина, или позорное, рабское существование во вшивых лохмотьях, среди эпидемий <...>.</p>	<p>Во что вскоре превратилась русская революция, не поймет никто, ее не видевший. Зрелище это было совершенно нестерпимо для всякого, кто не утратил образа и подобия Божия, и из России бежали сотни тысяч людей, имевших малейшую возможность бежать. Бежало и огромное большинство самых видных русских писателей, ибо в России их ждала или бессмысленная смерть от руки первого встречного злодея, пьяного от разнузданности и безнаказанности, или рабское существование во вшивых лохмотьях, среди библейских эпидемий <...>.</p>

<p>Я покинул Москву в мае 1918 года, жил на юге России, переходившем из рук в руки «белых» и «красных», а затем эмигрировал за границу в феврале 1919 г., испив полную чашу несказанных страданий.</p>	<p>Я покинул Москву в мае 1918 года, жил на юге России, переходившем из рук в руки «белых» и «красных», а в феврале 1920 г., испив чашу несказанных душевных страданий, эмигрировал за границу, — сперва на Балканы, потом во Францию.</p>
<p>Некоторые критики называли меня жестоким и мрачным. Не думаю, что это определение справедливо и точно. Но, конечно, много меду, а еще больше горечи дали мне мои странствования по миру и наблюдения над человеческой жизнью. Я смутно страшился за судьбу России, когда рисовал ее, — и моя ли вина, что действительность, та, которой живет Россия вот уже пять лет, сверх всякой меры оправдала мои опасения? — «Горе тебе, Вавилон!» — эти страшные слова Апокалипсиса неотступно звучали в моей душе, когда я писал «Братьев» и задумал «Господин <a> из С<ан> Франциско» за несколько месяцев до войны, когда я предчувствовал весь ужас ее и те бездны, которые обнажатся после нее в современной цивилизации, — и я ли виноват, что и здесь мои предчувствия не обманули меня?</p>	<p><i>Эквивалентный абзац отсутствует.</i></p>
<p>Париж.</p>	<p>Париж, 1921 г.</p>

Неопубликованные тексты на французском языке

В Бунинской коллекции РАЛ наряду с автографом *РАЛ-1* хранятся еще два документа, которые свидетельствуют о том, что в качестве литературного материала Бунин использовал не только «Письмо к Боссару» и производные от него русские тексты, но и франкоязычное «Письмо автора к издателю». Один из этих документов (РАЛ. MS 1066/410), обозначенный нами как *РАЛ-2*, представляет собой гибрид автографа и вырезки с печатным текстом, другой (РАЛ. MS 1066/411), он же *РАЛ-3*, — фрагмент машинописи.

Рукописная часть текста *РАЛ-2* выполнена двумя шариковыми и двумя перьевыми ручками разных цветов на семи последовательно пронумерованных синей шариковой ручкой листах; несколько строк имеется также на листе 9, который пронумерован красной шариковой ручкой; лист 8 отсутствует. Текст на листах 1–5 написан синей шариковой ручкой, на листах 6–7 — синими чернилами, на листе 9 — синими чернилами и синей шариковой ручкой. На листе 1, вверху, по центру, имеется два заглавия. Более раннее, написанное синей шариковой ручкой: “Notes autobiographiques” («Автобиографические заметки»), — зачеркнуто волнистой линией, черными чернилами; над ним теми же чернилами написано более позднее заглавие: “Préface” («Предисловие»). Там же, в верхнем левом углу и далее в пробеле между заглавиями и первой строкой автографа красной шариковой ручкой написано по русски: «Для французского издания взять только этот текст — не надо другого перевода!». Эта надпись обведена той же красной шариковой ручкой. На листе 9 под рукописными строками наклеены одна над другой обрезанные страницы 10–11 из сборника “Le Monsieur de San-Francisco”. В текст нижней вырезки от руки синей шариковой ручкой внесена правка: в конце фразы, повествующей об ужасах большевистского произвола: “<...> car, en Russie, pour la moindre parole indépendante, on n’hésiterait pas à vous couper la langue” («ибо в России, за малейшее свободное слово, вам, не колеблясь, отрезали бы язык»), — между словами “Russie” и “pour” вставлены слова: “à cette époque,” («в то время,»). Перечисленные палеографические признаки текста *РАЛ-2* ясно говорят о том, что Бунин возвращался к нему неоднократно.

Машинопись *РАЛ-3* напечатана на двух листах, которые пронумерованы как с. 3–4 — очевидно, первые две страницы не сохранились. Последний абзац машинописи, начинающийся словами: “Je quittai Moscou en mai 1918 <...>” («Я покинул Москву в мае 1918 года»), — слева отчеркнут вертикальной чертой, синей шариковой ручкой.

В результате анализа текстов *РАЛ-2* и *РАЛ-3* и их сопоставления с текстом *MSF* были сделаны следующие выводы.

Во-первых, тексты *РАЛ-2* и *РАЛ-3* не предшествовали тексту *MSF*, на что могла бы указывать форма их материальной фиксации — преимущественно рукописная в тексте *РАЛ-2* и машинописная в тексте *РАЛ-3*, — а, наоборот, были созданы на его основе. Об этом прежде всего свидетельствуют вырезки из сборника “Le Monsieur de San-Francisco”, а также факт использования синей и красной шариковых ручек в рукописной части текста *РАЛ-2*: такие ручки были у Бунина в конце 1940-х — начале 1950-х гг. По какой причине Бунин пере-

писал от руки бóльшую часть предисловия к сборнику “Le Monsieur de San-Francisco”, а не вырезал его из книги целиком, неизвестно. Возможно, у писателя не было для этого необходимого количества экземпляров сборника.

Во-вторых, текст *РАЛ-2* представляет собой сокращенный вариант текста *MSF*. Переписывая текст *MSF*, Бунин удалил из него, в частности, обращение к издателю и вводный абзац, упоминание о своей «сильной религиозной страсти», вызванной смертью младшей сестры, абзац о принципах составления и количестве своих книг, часть фразы о первых годах литературной деятельности (а именно о том, что он в то время писал и печатал в основном стихи), слова о «дыхании бури» (“le souffle de tempête”), которым были пронизаны предреволюционные годы в России, псевдоцитату из Саади о стремлении «обозреть лицо мира и оставить в нем чекан души своей»¹⁶, четыре заключительных абзаца (о суждениях критиков, о собственной душе, со словами благодарности издателю и Франции), авторскую дату. Кроме того, Бунин исправил характеристику предков, проявивших себя, согласно новой версии, “dans la carrière militaire et gouvernementale” («на поприще военном и правительственном») ¹⁷ — вместо “dans la carrière politique” («на поприще политическом»); осуществил несколько лексических замен: например, заменил слово “adolescence” (отрочество) словом “enfance” (детство), слово “societé” (общество) — словом “Académie” (при повторном упоминании Академии наук), словосочетание “vos ‘Immortels’” («ваши “Бессмертные”») — конструкцией “des ‘Immortels’ de l’Académie Française” («“Бессмертные” Французской академии»), конструкцию “ces vingt ou trente dernières années” («эти последние двадцать или тридцать лет») — конструкцией “les années avant la revolution” («годы накануне революции»), конструкцию “Voilà douze ans que” («Двенадцать лет тому назад») — относительно точной датой: “En 1910” («В 1910 г.»); намеренно или по рассеянности выпустил из названия “l’Académie Russe des Sciences” («Российская Академия наук») слова “des Sciences”; внес еще ряд менее значительных исправлений. (Нечто подобное Бунин проделал с текстом «Письма к Боссару», готовя к публикации *Автобиографию*.)

¹⁶ Подробнее об этом см.: [8, с. 185–187].

¹⁷ Напомним: в автографе *РАЛ-1* в этом же месте первоначально говорилось о «поприще ратном и государственном», но затем слово «ратный» Бунин почему-то вычеркнул. Не исключено, что спустя много лет Бунин, внося правку в текст «Письма автора к издателю», либо вспомнил об этом исправлении, либо «заглянул» в автограф *РАЛ-1*.

В-третьих, машинопись *РАЛ-3* является фрагментом одного из экземпляров чистой машинописи, которая в свою очередь была вариантом текста *РАЛ-2*: машинопись *РАЛ-3* отчасти дополняет и дублирует текст *РАЛ-2*. Как было сказано выше, лист 8 в тексте *РАЛ-2* отсутствует, но содержащийся на нем абзац, в котором речь идет о «Деревне» и других «беспощадных» произведениях, принесших Бунину успех, — явно воспроизведен на первом листе (с. 3) машинописи *РАЛ-3*. Последующий текст машинописи *РАЛ-3* в точности, если не считать отсутствия нескольких запятых и замены одного глагола однокоренным синонимом (“*dépassa*” вместо “*surpassa*” в значении «превзошла»), повторяет текст на девятом листе *РАЛ-2*, включая внесенную Буниным правку.

В-четвертых, как следует из процитированной выше авторской ремарки (красной шариковой ручкой) на первом листе текста *РАЛ-2*, новый франкоязычный текст, созданный на основе *MSF*, был подготовлен для опубликования в очередном французском издании произведений Бунина. При этом нельзя исключать вероятности того, что поначалу текст *РАЛ-2* предназначался для одного издания, а в итоге был напечатан в другом. Оставалось выяснить, в каком именно.

“Notes autobiographiques” (1950)

В библиотеках Москвы было выявлено, помимо сборника “*Le Monsieur de San-Francisco*”, еще пять книг Бунина на французском языке, вышедших при жизни автора: “*Le Sacrement de l’amour*” («Таинство любви» [«Митина любовь»], 1925), “*L’Affaire du cornette Elaguine*” («Дело корнета Елагина», 1934), “*À la source des jours*” («У истоков дней» [«Жизнь Арсеньева»], 1935), “*La Délivrance de Tolstoï*” («Освобождение Толстого», 1939), “*Mémoires*” («Воспоминания», 1950).

В процессе просмотра указанных изданий искомый текст был обнаружен в последнем из них, в составе трехчастного очерка “*Notes autobiographiques*” («Автобиографические заметки») [28, р. 7–11]. Этот текст мы обозначили как *Mémoires*.

Текст *Mémoires* служит первой частью “*Notes autobiographiques*”, далее следуют два переведенных на французский язык фрагмента из «Автобиографических заметок» (1948–1950), которые включены в оригинальное издание бунинских «Воспоминаний» (Париж, 1950): в одном фрагменте писатель повествует о первом творческом импульсе, вызванном в детстве картинкой с изображением «кретина»,

в другом — о впечатлениях от последнего посещения Петрограда весной 1917 г.

Таким образом, “Notes autobiographiques” в сборнике “Mémoires” не идентичны «Автобиографическим заметкам» в книге «Воспоминания», как и вообще ни одному из известных нам вариантов бунинских «Автобиографических заметок» на русском языке. Впрочем, и сам по себе сборник “Mémoires” не эквивалентен «Воспоминаниям», заметно отличаясь от оригинальной книги и по составу, и по архитектонике: так, если в «Воспоминаниях» 17 очерков, то в “Mémoires” их 14, и расположены они в другой последовательности¹⁸.

При сопоставлении текста *Mémoires* с текстами РАЛ-2 и РАЛ-3 был выявлен очередной комплекс разночтений, свидетельствующих о том, что текст РАЛ-2/РАЛ-3 также подвергся правке, причем весьма значительной, затронувшей лексику, стилистику, синтаксис, — по существу, он был переработан на 70–75%. Судя по этой правке, в качестве редактора выступил носитель языка, явно стремившийся сделать и без того безупречный с точки зрения французского языка текст еще более «французским». Скорее всего, это была либо Элен Бейан — автор перевода «Воспоминаний» на французский язык, либо кто-то из бунинского окружения, но точно не сам Бунин: как было отмечено выше, писатель владел французским не настолько хорошо.

Приведем лишь некоторые из разночтений, поскольку для представления их полного свода пришлось бы полностью воспроизвести здесь тексты РАЛ 2/РАЛ-3 и *Mémoires*:

¹⁸ Состав и композиция книги «Воспоминания», в общем, хорошо известны, чего нельзя сказать о сборнике “Mémoires”, поэтому восполняем здесь этот пробел. Сборник содержит следующие очерки: “Notes autobiographiques” («Автобиографические заметки»); “Tchékhov” («Чехов»); “Tolstoï III” («Третий Толстой»); “Léon Tolstoï” («Лев Толстой»); “Maximilien Volochine” («Максимилиан Волошин»); “Maxime Gorki” («Максим Горький»); “Kouprine” («Куприн»); “Gogol et le fils de Pouchkine” («Гоголь и сын Пушкина» — этот очерк почему-то не отражен в содержании книги); “Journées du Prix Nobel” («Нобелевские дни»); “Chaliapine” («Шаляпин»); “Rachmaninov” («Рахманинов»); “Le Prince Kropotkine” («Князь Кропоткин»); “Jerome K. Jerome” («Джером Джером»); “Le peintre Répine” («Художник Репин») [28, р. 179]. Ряд очерков (о Л.Н. Толстом, А.П. Чехове, А.И. Куприне, М. Горьком, «нобелевских днях») был опубликован во французской прессе в 1930–40-х гг. [7, с. 17–18]. Тексты очерков “Gogol et le fils de Pouchkine” и “Le Prince Kropotkine” вычленены из текста русской версии «Автобиографических заметок».

Таблица 3

РАЛ-2/РАЛ-3	Mémoires
<p>Je procède d'une antique et noble maison, qui a donné à la Russie bon nombre de personnes illustres, tant dans la carrière [politique] militaire et gouvernemental que dans le domaine des arts, où sont particulièrement réputés deux poètes qui vécurent au debut du siècle dernier: ce sont Anna Bounine et Vassili Joukovsky, fils d'Athanase Bounine et de la Turque Salma, un des coryphées de la littérature russe.</p>	<p>Je suis issu d'une vieille et noble lignée qui a donné à la Russie bon nombre de personnages illustres, tant dans la carrière militaire et l'administration civil que dans le domaine des arts où se sont particulièrement distingués deux poètes du début du siècle dernier: ce sont Anna Bounine et Vassili Joukovsky — fils d'Athanase Bounine qui avait épousé une Turque du nom de Salma — un des coryphées de la littérature russe.</p>
<p>Je suis né en 1870, à Voronège; j'ai passé mon enfance et ma jeunesse presque entièrement à la campagne, dans les propriétés de mon père. Au cours de mon [adolescence] enfance j'eus [aussi] la passion de la peinture qui, ce me semble, s'est montrée dans mes productions littéraires. Je commençai à écrire, en vers et en prose, d'assez bonne heure. C'est de bonne heure aussi que mes œuvres furent imprimées.</p>	<p>Je naquis en 1870 à Voronej et vécus la plus grande partie de mon enfance et de ma jeunesse à la campagne, dans les propriétés de mon père. Enfant, je fus possédé par la passion de la peinture qui, je le crois, transpire dans toute mon œuvre littéraire. Je commençai à écrire en vers et en prose assez jeune. Et ces écrits de jeunesse furent publiés.</p>
<p>Ce fut le début de toute une série d'œuvres qui dépeignent sans fard les caractères russes, l'âme russe, son originale complexité, ses bases lumineuses et ténébreuses, mais presque toujours essentiellement tragiques. Dans la critique russe et parmi nos intellectuels, où l'on idéalisait le peuple, par suite de nombreuses conditions particulières à la société russe et, dans ces derniers temps, par pure ignorance ou par politique, ces œuvres "impitoyables" soulevèrent des discussions passionnées, et, en fin de compte, m'apportèrent ce qu'on appelle la notoriété; ce succès fut encore affermi par de plus récents ouvrages.</p>	<p>Ce fut le début de toute une série d'œuvres qui dépeignent, sans les travestir et dans toute leur originale complexité, le caractères et l'âme russes, sondant leur fond le plus secret, ténébreux et lumineux à la fois, mais presque toujours essentiellement tragique. Ces œuvres "impitoyables" soulevèrent des discussions passionnées, tant chez les critiques que chez la plupart des intellectuels de mon pays qui, en raison des nombreuses conditions propres à la société russe et aussi par pure ignorance ou par convictions politiques — deux traits qui caractérisaient cette époque — avaient tendance à idéaliser le peuple. En fin de compte, ces controverses m'apportèrent ce qu'on appelle la notoriété, et mon succès devait encore s'affermir par des ouvrages plus récents.</p>

Однако, несмотря на эти и другие лингвостилистические, синтаксические и композиционные отличия текста *Mémoires* от текстов *ПАЛ-2/ПАЛ 3* и *MSF*, текст *Mémoires* является не новой редакцией, а еще одним вариантом текста *MSF*.

«От автора» (1952)

Свой обзор мы завершаем текстом предисловия «От автора», которым открывается одна из последних прижизненных книг писателя — сборник рассказов «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» (Нью-Йорк, 1953). Этот текст [17, с. 7–9] мы обозначим аббревиатурой *ВИРИ*.

Как следует из опубликованных фрагментов переписки Бунина с Издательством имени Чехова, выпустившим сборник «Весной, в Иудее. Роза Иерихона», Бунин не собирался писать предисловие «От автора», но, уступая требованию издательства, был вынужден это сделать. Редактору, работавшему с рукописью его книги (Т.Г. Терентьевой), он пенял в письме от 27 сентября 1952 г.:

Я совершенно вне себя от изумления, что Ваше издательство решило издать меня на этот раз с предисловием, а не просто, *не спрося на это моего согласия*. Мне восемьдесят два года, я, Бунин, известный в литературе по всему миру, истинно до глубины души оскорблен, прочитав Ваше письмо: ужели я нуждаюсь <в> чьей-нибудь рекомендации! Ваше издательство должно было предупредить меня об этом вашем «новом правиле», на которое я, разумеется, ни за что бы не согласился (цит. по: [1, с. 249]).

Не желая писать предисловие, Бунин предлагал от имени издательства поместить в конце книг «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» и «Митина любовь. Солнечный удар» (Нью-Йорк, 1953) либо отзвывы критиков о «Митиной любви» и о «маленьких рассказах», либо послесловие. В итоге, как сообщает М.М. Аболина, стороны сошлись на том, чтобы в сборнике «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» «были даны “от автора” отрывки из бунинских “Автобиографических заметок”» [1, с. 249].

Сопоставление текстов *ВИРИ* и *СС-1* показало, что формулировка «отрывки из бунинских “Автобиографических заметок”» не совсем точна, — на это указывает ряд обнаруженных нами (очередных) различий. Впрочем, М.М. Аболину в данном случае ввел в заблуждение сам Бунин, начавший свое предисловие словами: «Исполняя желание “Издательства имени Чехова”, даю некоторые отрывки из

своих “Автобиографических заметок”» [17, с. 7]. Скорее всего, основой для текста *ВИРИ* действительно стали «Автобиографические заметки» из первого тома берлинского Собрания сочинений (главным образом первая их часть и ряд небольших фрагментов второй), однако Бунин «дал» отрывки из них, по своему обыкновению, в отредактированном виде. При этом, как нам представляется, писатель в ходе работы над предисловием использовал и другие источники.

Наиболее заметные разночтения между текстами *СС-1* и *ВИРИ* заключаются в следующем:

В тексте *ВИРИ* значительно (по сравнению с текстом *СС-1* и другими, более ранними текстами, в той или иной мере восходящими к автографу *РАЛ-1*, а также по сравнению с ним самим) расширен зачин:

Я происхожу из старого дворянского рода, о начале которого в «Гербовнике дворянских родов» сказано так:

«Род Буниных идет от Симеона Бунковского, мужа знатного, выехавшего в XV веке из Литвы со своей дружиной на ратную службу к Великому Князю Московскому Василию Васильевичу».

Род наш дал России немало видных деятелей на поприще государственном, воевод, стольников и «в иных чинах», а в области литературной известны Анна Бунина, которую Карамзин называл русской Сафо, и Василий Жуковский, внебрачный сын тульского помещика Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки Сальхи, ставший, в силу этого, Жуковским по фамилии своего крестного отца, прославившийся больше всего как основоположник той новой русской литературы, первым гением которой был Пушкин, называвший его своим учителем.

По матери я принадлежу к дворянскому роду Чубаровых, тоже весьма старому, лишившемуся, по нашим семейным преданиям, княжеского титула при Петре Великом, который казнил стрелецкого полковника князя Чубарова, бывшего на стороне царицы Софии [17, с. 7–8].

В седьмом абзаце текста *ВИРИ*, с которого начинается автобиография как таковая, Бунин как бы спрессовал главные сведения о себе — в тексте *СС-1* они содержались в восьми абзацах (большей частью довольно крупных). Используя текст *СС-1* как основу для текста *ВИРИ*, писатель в основном прибегал к правке-сокращению, в отдельных случаях менял строй той или иной фразы и/или дополнял ее деталями, казавшимися ему существенными:

Я родился 10 октября 1870 года, в Воронеже. Детство и раннюю юность провел в деревне, писать и печататься начал рано. Довольно скоро обратила на меня внимание и критика. Затем мои книги три раза были отмечены высшей наградой Российской Академии Наук — премией имени Пушкина. В 1909 г. эта Академия избрала меня в число двенадцати ее Почетных Академиков, среди которых был Толстой. Однако известности более или менее широкой я не имел долго, ибо не принадлежал ни к одной литературной школе. Кроме того, я мало вращался в литературной среде, много жил в деревне, много путешествовал по России и вне России: в Италии, в Турции, в Греции, в Палестине, в Египте, в Алжирии, в Тунисии, в тропиках. Популярность моя началась с того времени, когда я напечатал свою «Деревню». Это было начало целого ряда моих произведений, резко рисовавших русскую душу, ее светлые и темные, часто трагические основы. В русской критике и среди русской интеллигенции, где, по причине незнания народа или политических соображений, народ почти всегда идеализировался, эти «беспощадные» произведения мои вызвали страстные враждебные отклики. В эти годы я чувствовал, как с каждым днем все более крепнут мои литературные силы. Но тут разразилась война, а затем революция. Я был не из тех, кто был ею застигнут врасплох, для кого ее размеры и зверство были неожиданностью, но все же действительность превзошла все мои ожидания: во что вскоре превратилась русская революция, не поймет никто, ее не видевший. Зрелище это было сплошным ужасом для всякого, кто не утратил образа и подобия Божия, и из России, после захвата власти Лениным, бежали сотни тысяч людей, имевших малейшую возможность бежать. Я покинул Москву 21 мая 1918 года, жил на юге России, переходившем из рук в руки «белых» и «красных», и 26 января 1920 г., испив чашу несказанных душевных страданий, эмигрировал сперва на Балканы, потом во Францию. Во Франции я жил первое время в Париже, с лета 1923 г. переселился в Приморские Альпы, возвращаясь в Париж только на некоторые зимние месяцы. В 1933 г. получил Нобелевскую премию [17, с. 8–9].

Предпоследнее предложение в приведенной цитате является неопровержимым доказательством того, что в основу текста *ВИРИ* лег именно текст *СС-1*, где это предложение помещено в *post scriptum* и датировано 1934 г. В то же время другое предложение — об избрании Бунина «в число двенадцати Почетных Академиков, среди которых был Толстой», — наводит на мысль, что у писателя под рукой

был еще какой-то текст, поскольку в *СС-1* (как и в *Автобиографии*) упоминание о почетном членстве Л.Н. Толстого в Императорской Академии наук отсутствует. Зато оно имеется в автографе *РАЛ-1*, в машинописи *ГАРФ*, в текстах *MSF*, *РАЛ-2* и *Mémoires*:

В 1909 году эта Академия избрала меня в число тех двенадцати Почетных Академиков, которые соответствуют французским «бессмертным» и среди которых находился Лев Толстой (РАЛ. MS 1066/409).

В 1909 г[оду] эта Академия избрала меня в число тех двенадцати Почетных Академиков, которые соответствуют французским «Бессмертным» и среди которых находился Лев Толстой (ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Д. 151. Л. 2).

En 1909, cette même société m'élut au nombre des douze Académiciens Honoraires, dont le titre correspond à celui de vos "Immortels", et au nombre desquels se trouvait Léon Tolstoï [27, p. 8].

Puis, en 1909, cette même Académie m'élut au nombre des Douze Académiciens Honoraires, dont le titre correspond à celui des "Immortels" de l'Académie Française, et au nombre desquels se trouvait Léon Tolstoï (РАЛ. MS 1066/410).

En 1909, cette même Académie m'offrit l'un des douze sièges d'académicien honoraire — titre qui correspond à celui des "Immortels" de l'Académie française — et dont un autre était occupé par Léon Tolstoï [28, p. 8].

Поскольку машинописью *ГАРФ* Бунин не располагал (к 1950 г. она давно затерялась среди бумаг В.Л. Бурцева), дополнительным источником текста *ВИРИ* мог стать любой из остальных четырех текстов — *РАЛ 1*, *MSF*, *РАЛ-2*, *Mémoires*.

Заключительные абзацы текста *ВИРИ*, не имеющие эквивалентов в тексте *СС-1* (так же как в *РАЛ-1*, *ГАРФ*, *MSF*, *Автобиографии*, *РАЛ-2/РАЛ-3* и *Mémoires*), посвящены книгам Бунина, написанным и изданным в эмиграции.

Под текстом *ВИРИ* стоят подпись: «Ив. Бунин» — и авторская дата: «Париж, 17 октября 1952 г.» [17, с. 9].

Таким образом, текст *ВИРИ* является наиболее поздней модификацией «Письма к Боссару».

Заключение

Поскольку наше исследование носит текстологический характер, мы не можем обойти молчанием вопрос, как публиковать рассмотренные здесь тексты в будущих изданиях произведений Буни-

на, в том числе в Полном собрании сочинений и писем, над которым сейчас работает Бунинская группа ИМЛИ РАН.

Очевидно, что «Письмо к Боссару» как таковое следует печатать по автографу *РАЛ-1*. Данное решение в полной мере согласуется с одним из базовых принципов текстологии, не теряющим актуальности и в применении к бунинскому литературному наследию: «...не опубликованные автором ранние и поздние произведения печатаются по сохранившимся автографам» [11, с. 74]. Правда, в нашем случае «не опубликованными автором произведениями» являются и автограф *РАЛ-1*, и машинопись *ГАРФ*. Но если авторство Бунина в отношении автографа *РАЛ-1* сомнению не подлежит, то с машинописью *ГАРФ* такой уверенности быть не может, поскольку степень авторизованности этого варианта «Письма к Боссару» неизвестна — следовательно, он не может быть признан и использован в качестве основного текста. Не исключено, что многочисленные разночтения между машинописью *ГАРФ* и автографом *РАЛ-1* обусловлены вовсе не творческой волей писателя, выразившейся в авторской правке исходного текста, а ошибками при его печатании на пишущей машинке.

Поскольку текст машинописи *ГАРФ* является вариантом автографа *РАЛ-1*, он должен быть помещен в раздел «Другие редакции и варианты».

Остальные русские модификации «Письма к Боссару» (тексты *Автобиографии*, *СС-1*, *ВИРИ*) должны печататься в том виде, какой им придал сам писатель (при этом явные опечатки и другие искажения текста, разумеется, должны быть устранены).

В опубликовании французских модификаций «Письма к Боссару» (текстов *MSF*, *РАЛ-2/РАЛ-3*, *Mémoires*) как отдельных произведений мы смысла не видим. На наш взгляд, вполне достаточно их подробного описания в научном комментарии.

Там же должна быть обозначена и «генетическая» связь между всеми названными произведениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Аболина М.М. И.А. Бунин, В.Н. Бунина и «Издательство имени Чехова» // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 235–259. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-18-235–259
2. Бакунцев А.В. «В газетах — Блок, Блок, Блок...»: Отклик И.А. Бунина

- на смерть А.А. Блока // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2015. № 3. С. 100–114.
3. Бакунцев А.В. И.А. Бунин в газете «Общее дело» (1920–1922) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 4. С. 94–113. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.94113
 4. Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной и творческой судьбе писателя // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011 / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. С. 17–44.
 5. Бакунцев А.В. Неизвестная «заметка» Бунина на смерть Блока // Новый журнал. Нью-Йорк, 2014. № 277. С. 218–240.
 6. Бакунцев А.В. Письма И.А. Бунина в фондах Государственного архива Российской Федерации // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. С. 100–108.
 7. Бакунцев А.В. Публицистические выступления И.А. Бунина во франкоязычной прессе 1920–40-х гг. // И.А. Бунин: от века XX к веку XXI: Материалы юбилейной всероссийской (с международным участием) научной конференции (20–21 сентября 2018 г.). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2018. С. 15–21.
 8. Бакунцев А.В. Реминисценции из произведений Саади в публицистике и эпистолярии И.А. Бунина: источниковедческий аспект проблемы // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8, № 3. С. 168–193. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-168-193>
 9. Бакунцев А.В., Морозов С.Н. Сборник критики и публицистики И.А. Бунина 1911–1953 гг. как научный проект. Часть 1. Общая характеристика и состав // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 3. С. 32–38.
 10. Бакунцев А.В., Морозов С.Н. Сборник критики и публицистики И.А. Бунина 1911–1953 гг. как научный проект. Часть 2. Структура и текстология // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 4. С. 8–12.
 11. Двинашвили Т.М., Морозов С.Н. Проза И.А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 68–79. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-16-68-79
 12. Деотто П. Иван Бунин: три автобиографические заметки // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология): сб. ст. / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 502–513. (Серия: Академический Бунин. Вып. 1).
 13. Морозов С.Н. История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный

факт. 2017. № 5. С. 248–265. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-5-248-265

14. Полонский В.В. Gallo-Rossica: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII — начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 416 с.

Источники

15. Автобиография И.А. Бунина // Дни. Берлин, 1923. 8 апр. № 133. С. 9.
16. Бунин И. Письмо к Боссару: (По материалам парижского архива) / публ., вступ. ст. И. Костомаровой // Бежин луг. 1995. № 6 (13). С. 13–16.
17. Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. 234 с.
18. Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. 308 с.
19. Бунин о себе и своем творчестве / публ. М. Грин // Новый журнал. 1972. № 107. С. 161–170.
20. Гиппиус З.Н. Живые лица: Воспоминания. Тбилиси: Мерани, 1991. 384 с.
21. И.А. Бунин: pro et contra / сост. Б.В. Аверин, Д. Риникер, К.В. Степанов; коммент. Б.В. Аверин, М.Н. Виролайнен, Д. Риникер; библиогр. Т.М. Двинятиной, А.Я. Лapidус. СПб.: РХГИ, 2001. 1016 с.
22. Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е — 1950-е годы): Антология / под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М.: Книжница; Русский путь, 2010. 928 с.
23. М. А. [Алданов М.А.] [Предисловие к «Автобиографии И.А. Бунина»] // Дни. 1923. 8 апр. № 133. С. 9.
24. Переписка И.А. Бунина и В.Л. Бурцева: 1920–1933 / публ., подгот. текста, примеч. и перевод А. Бакунцева // Новый журнал. 2015. № 280. С. 177–182.
25. С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 824 с.
26. Iwas [Василевский (Не-Буква) И.М.]. Мания величия // Накануне. Берлин, 1923. 20 апр. № 314. С. 2–3.
27. Bouvine I. Le Monsieur de San-Francisco / trad., avec l'autorisation de l'auteur, par Maurice. Paris: Éditions Bossard, 1921. 343 p.
28. Bouvine I. Mémoires / trad. par H. Bayan. Paris: Calmann-Lévy, 1950. 179 p.
29. Fonds d'éditeurs. Éditions Bossard / éd. Robert Denoël [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thyssens.com/02biblio/12fonds-ed.php> (дата обращения: 12.08.2022).
30. Petite Bibliographie lacunaire des éditions Bossard (fonds russe) / éd. Robert Denoël [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alamblog.com/index.php?post/2017/01/26/Petite-Bibliographie-lacunaire-des-C3%A9ditions-Bossard-%28litt%C3%A9rature-russe%29> (дата обращения: 12.08.2022).

REFERENCES

1. Abolina, M.M. "I.A. Bunin, V.N. Bunina i 'Izdatel'stvo imeni Chekhova'." ["Ivan Bunin, Vera Bunina and the Chekhov Publishing House"]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 235–259. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-18-235-259 (In Russian)
2. Bakuntsev, A.V. "'V gazetakh — Blok, Blok, Blok...': Otklik I.A. Bunina na smert' A.A. Bloka" ["'In the Newspapers — Blok, Blok, Blok...': Ivan Bunin's Response to the Death of Alexander Blok"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriia 10. Zhurnalistika*, no. 3, 2015, pp. 100–114. (In Russian)
3. Bakuntsev, A.V. "I.A. Bunin v gazete 'Obshchee delo' (1920–1922)" ["Ivan Bunin in the 'Obshchee Delo' Newspaper (1920–1922)"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriia 10. Zhurnalistika*, no. 4, 2019, pp. 94–113. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.94113 (In Russian)
4. Bakuntsev, A.V. "Lektsiia I.A. Bunina 'Velikii durman' i ee rol' v lichnoi i tvorcheskoi sud'be pisatel'ia" ["Ivan Bunin's Lecture 'The Great Intoxication' and Its Role in the Personal and Creative Fate of the Writer"], ed. by N.F. Gritsenko. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Alexandra Solzhenitsyna, 2011* [Yearbook of Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, 2011]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad Publ., 2011, pp. 17–44. (In Russian)
5. Bakuntsev, A. "Neizvestnaia 'zametka' Bunina na smert' Bloka" ["Bunin's Unknown 'Note' on Blok's Death"]. *Novyi zhurnal*, no. 277, 2014, pp. 218–240. (In Russian)
6. Bakuntsev, A.V. "Pis'ma I.A. Bunina v fondakh Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii" ["Letters of Ivan Bunin in the Funds of the State Archive of Russian Federation"]. *Tekstologicheskii vremennik: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia* [Textology Vremennik: Issues of Textual and Source Studies], book 3: Pis'ma i dnevniki v russkom literaturnom nasledii XX veka [Letters and Diaries in the Russian Literary Heritage of the 20th Century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 100–108. (In Russian)
7. Bakuntsev, A.V. "Publitsisticheskie vystupleniia I.A. Bunina vo frankoiazыchnoi presse 1920–40-h gg." ["Publicist Works of Ivan Bunin in the French-Language Press of the 1920–40s"]. I.A. Bunin: ot veka XX k veku XXI: Materialy iubileinoi vs Rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii (20–21 sentiabria 2018 g.) [Ivan Bunin: from the 20th Century to the 21st Century: Materials of the Jubilee All-Russian (with International Participation) Scientific Conference (September 20–21, 2018)]. Yelets, I.A. Bunin Yelets State University Publ., 2018, pp. 15–21. (In Russian)
8. Bakuntsev, A.V. "Reministsentsii iz proizvedenii Saadi v publitsistike i epistolarii I.A. Bunina: istochnikovedcheskii aspekt problemy" ["The

- Reminiscences from Saadi's Works in the Publicism and Epistolary of Ivan Bunin: the Source Studies Aspect of the Problem"]. *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 168–193. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-168-193>
9. Bakuntsev, A.V., and S.N. Morozov. "Sbornik kritiki i publitsistiki I.A. Bunina 1911–1953 gg. kak nauchnyi proekt. Chast' 1. Obshchaia kharakteristika i sostav" ["Ivan Bunin's Collection of Critical and Publicist Works of 1911–1953 as a Scientific Project. Part 1. General Characteristics and Composition"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia: Filologiya. Zhurnalistika*, no. 3, 2021, pp. 32–38. (In Russian)
 10. Bakuntsev, A.V., and S.N. Morozov. "Sbornik kritiki i publitsistiki I.A. Bunina 1911–1953 gg. kak nauchnyi proekt. Chast' 2. Struktura i tekstologiya" [Ivan Bunin's Collection of Critical and Publicist Works of 1911–1953 as a Scientific Project. Part 2. Structure and Textology]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia: Filologiya. Zhurnalistika*, no. 4, 2021, pp. 8–12. (In Russian)
 11. Dviniatina, T.M., and S.N. Morozov. "Proza I.A. Bunina. Vybor osnovnogo teksta (k postanovke voprosa)" ["Prose of Ivan Bunin. The Choice of the Main Text (to Pose the Question)"]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (16), 2020, pp. 68–79. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-16-68-79 (In Russian)
 12. Deotto, Patricia. "Ivan Bunin: tri avtobiograficheskie zametki" ["Ivan Bunin: Three Autobiographical Notes"], eds by O.A. Korostelev, S.N. Morozov. *Tvorchestvo I.A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiia, istochnikovedeniie, tekstologiya)* [Ivan Bunin's Work in the Historical and Literary Context (Biography, Source Studies, Textual Studies)]. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 502–513. (In Russian)
 13. Morozov, S.N. "Istoriia podgotovki Sobraniia sochinenii I.A. Bunina v izdatel'stve 'Petropolis' (po materialam perepiski)" ["Editing of Ivan Bunin's Collected Works in Petropolis Publishing House (Based on the Correspondence)"]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 248–265. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-5-248-265 (In Russian)
 14. Polonskii, V.V. *Gallo-Rossica: Iz istorii russko-frantsuzskikh literaturnykh svyazei kontsa XVIII — nachala XX veka* [Gallo-Rossica: From the History of Russian-French Literary Relations of the Late 18th — early 20th Century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 416 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 15 сентября 2022 г.

Дата одобрения рецензентами: 12 марта 2023 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: September 15, 2022

Approved: March 12, 2023

Date of publication: October 07, 2024